

УДК 93

КАЗУС С ЛИТОВСКОЙ ДИВИЗИЕЙ

ЗДАНОВИЧ Александр Александрович,
доктор исторических наук, доцент, действительный член,
Академия военных наук

АННОТАЦИЯ. Советское военно-политическое руководство рассматривало кадры некоторых прибалтийских национальных формирований Красной армии как базу для воссоздания аппарата управления освобожденных от оккупантов республик. Поэтому применение таких воинских соединений в боях в 1943 г. имело свои особенности. И эти особенности проявились при выходе на фронт 16-й литовской стрелковой дивизии. Командование 48-й армии не учло указанные особенности, что привело к развитию конфликта между командармом и дивизионным руководством на фоне понесенных серьезных потерь в личном составе дивизии. К разрешению сложной ситуации подключилось Главное политическое управление РККА и ЦК компартии Литвы. Однако компромиссного решения найти не удалось. Командир 16-й Литовской дивизии, начальник политотдела и начальник тыла были сняты со своих постов, комсостав пополнили офицерами русской национальности, а соединение вывели во вторую линию фронта. Участия в боях дивизия не принимала несколько месяцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, 16-я литовская стрелковая дивизия, национальные воинские формирования.

INCIDENT WITH LITHUANIAN DIVISION

ZDANOVICH A. A.,
Dr. Hist. Sci., Docent, Full Member,
Academy of Military Sciences

ABSTRACT. The Soviet military-political leadership considered the personnel of the Baltic national formations of the Red Army as the basis for the re-establishment of control in the territory of these republics. In 1943 their use in fighting had its own peculiarities. And these features were evident when the 16th Lithuanian Rifle Division entered the front. The command of the 48th Army did not take into account these features, which led to the development of a conflict between the commander and the divisional leadership against the background of serious losses in the personnel of the division. Main Political Administration of the Red Army of the Workers' and Peasants' and the Central Committee of the Lithuanian Communist Party were involved to solve the conflict. The conflict could not be resolved. As a result, the division commander, the head of the political department and the head of the rear were removed from their posts, the staff was supplemented by officers of Russian nationality, and the division was taken to the second front line. The division did not take part in the battles for several months.

KEY WORDS: Great Patriotic War, 16th Lithuanian Rifle Division, national military formations.

За период Великой Отечественной войны известно немало случаев, когда командование фронтов или армий привлекало аппараты прокуратуры и военной контрразведки для расследования фактов невыполнения боевых задач частями и соединениями. Объективно разобраться с произошедшим было непросто, поскольку на результаты боев влияли многие обстоятельства, не зависящие порой от воли командиров и политработников. Как правило, подобного рода расследование заканчивалось приказом по войскам фронта либо армии с указанием наложенного на виновных наказания по строевой линии. Часто этот приказ сопровождался взысканием конкретными лицами по партийной линии. До Генерального штаба, Главного политического управления РККА, а тем более Ставки Верховного главнокомандования доходили лишь эти приказы, которые просто подшивались в соответствующие дела кадровых органов. Материалы военной прокуратуры и особых отделов НКВД оседали на местах.

Лишь в первые полгода войны расследованиям неудач придавалось политическое звучание. Однако то, что произошло в феврале–марте 1943 г. на Цен-

тральном фронте, выпадало из общего ряда. Имеются в виду военно-политические события, развернувшиеся вокруг 16-й литовской стрелковой дивизии. Эта стрелковая дивизия была сформирована на основании постановления Государственного Комитета Обороны № 1041сс от 18 декабря 1941г. [1, с. 193]. Основанием для такого решения явились докладные записки в адрес И.В. Сталина от секретаря ЦК компартии Литвы Ю.А. Снечкуса и еще ряда работников Литовской ССР. Сам этот факт уже заключивал некий политический смысл в существование дивизии. Предполагалось (и это не скрывалось) использовать в будущем отличившихся в боях (а в этом сомнений у инициаторов решений ГКО не было) командиров и рядовых бойцов для воссоздания партийно-государственного аппарата после освобождения республики от оккупантов.

Литовские партийные руководители явно недооценили ряд важных обстоятельств. К моменту прихода Красной армии в Литву в этой республике работало более 300 немецких предприятий, что, несомненно, влияло на отношение рабочих к Германии, ее политическому строю, гитлеровскому режиму. Нельзя было не учитывать активную работу немецкой организации «Культурфербанд», под прикрытием которой работала и военная разведка Германии и гестапо [2, с. 34]. Только за период с

© Зданович А.А., 2019
Информация для связи с автором: ivimo@mil.ru

июля 1940 г. по май 1941 г. органами НКГБ Литвы было вскрыто и ликвидировано 75 нелегальных антисоветских организаций и групп, которые ставили своей задачей подготовку вооруженных выступлений. Основные кадры этих структур набирались из таких организаций, как «Шаулю саюнга» («Союз стрелков»), «Лиетувос савакарго саюнга» («Союз добровольцев Литвы») и им подобных [2, с. 141]. В середине мая 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента. Такие лица были задержаны и высланы в Сибирь и Казахстан. Аресту подверглись лишь наиболее опасные из них. Среди арестованных были и некоторые офицеры литовской армии. Их роль в подпольной деятельности выяснилась в ходе некоторых агентурных работ, таких как «Диверсанты» и «Гвардия». Втягивал офицеров в антисоветскую деятельность бывший главнокомандующий литовской армией, а на тот период уже министр обороны временного «Литовского национального правительства» в эмиграции в Германии. У одного убитого при переходе границы курьера был обнаружен обширный список военнослужащих бывшей литовской армии, к которым и направлялись агенты из Германии [2, с. 218].

Секретарю ЦК литовской компартии надо было бы помнить, что основу командных кадров дивизии составят офицеры бывшего 29-го стрелкового территориального литовского корпуса, образованного в свою очередь на базе бывшей армии буржуазной Литвы на основании приказа НКО СССР от 17 августа 1940 г. Одна из дивизий (184-я стрелковая) уже 22 июня 1941 г. практически прекратила сопротивление немцам. Возникли бунты литовских солдат, сопряженные с убийствами командиров из числа русских офицеров. Только 2 тысячи бойцов корпуса (из 16 тысяч на начало войны) отступили с другими частями Красной армии и продолжали воевать. Остальные дезертировали либо сознательно перешли на сторону врага. 23 сентября 1941 г. корпусное управление было расформировано.

Еще в процессе формирования корпуса его личный состав был проверен советскими органами государственной безопасности, однако в рядах Красной армии даже в период комплектования 16-й стрелковой дивизии осталось достаточно много националистически настроенных лиц. Это подтверждается отчетом начальника Особого отдела дивизии, опытного чекиста полковника И.М. Барташунаса². Вот фрагмент этого документа: «Личный состав дивизии, преимущественно из основной литовской национальности, крайне засорен, так как в составе его имеются бывшие офицеры царского и сметоновского³ правительства, крупные собственники и члены контрреволюционных организаций разных течений». По данным Особого отдела на начало февраля 1943 г. среди командиров и бойцов име-

лось 34 бывших члена военизированной организации «Шауля Саюнга», 44 бывших офицеров литовской армии, включая и тех, кто воевал против Советской России, достаточно много антисоветских элементов [3, л. 7 об.]. На оперативном учете Особого отдела дивизии на 25 января 1943 г. находилось 204 человека, и из них 5 военнослужащих разрабатывалось в рамках дел-формуляров [3, л. 5]. Только за январь военные контрразведчики соединения расследовали 5 уголовных дел и передали их в военный трибунал. Почти все подследственные намеревались перейти на сторону врага.

В свете последующих событий важно обратить внимание на национальный состав соединения. Литовцы составляли 37%, литовские евреи – 30%, русские – 30%, другие национальности – 3% [3, л. 45]. Формирование дивизии было закончено в начале 1942 г. Однако в состав действующей армии ее ввели только 27 декабря 1942 г. Около двух месяцев соединения находилось в резерве Брянского фронта. Предполагалось, что весь этот период происходило активное обучение личного состава и складывание подразделений. Позднее выяснилась ошибочность таких надежд. Командир дивизии генерал-майор Ф.Р. Балтушис-Жемайтис понадеялся на подчиненных, а те особые усилия не прилагали. Еще находясь в подчинении 2-й танковой армии, личный состав литовской дивизии не обеспечивался в полной мере продовольствием, а кони – фуражом. Об этом начальник армейского особого отдела капитан госбезопасности С.Н. Маковлев своевременно проинформировал командование Брянского фронта, но положение исправлено не было. Тыловые органы ни армии, ни дивизии не приняли должных мер.

Имея серьезные проблемы со снабжением некоторыми видами довольствия, а отсюда и с боеготовностью, 16-я литовская дивизия перешла в подчинение 48-й армии с 16 февраля 1943 г. Однако, как явствует из доклада начальника политического отдела армии полковника Муфтакова, соединение имело полную укомплектованность личным составом и вооружением. В силу ряда причин дивизия растянулась на марше и смогла принять участие в боевых действиях далеко не в том состоянии, которое ожидалось [4, л. 29]. Офицер Генштаба РККА при 48-й армии майор Орлов сообщал своему руководству в Москве: «Тыловые учреждения дивизии отстали в пути и утратили управление текущей работой. В связи с этим система работы тыла расстроилась. Помимо других ненормальностей, возникли серьезные затруднения в снабжении дивизии горюче-смазочными материалами, боеприпасами и продовольствием» [3, л. 3].

Непосредственно с марша дивизия в бой не вступила, а заняла оборону, сменив 143-ю стрелковую дивизию, с задачей быть готовой к наступательным действиям на населенный пункт Нагорный Орловской области. Майор Орлов доносил о некоторых возражениях относительно использования соединения со стороны генерал-майора Жемайтиса. Военный Совет армии из-за сложившейся ситуации практически отклонил разработанный им первоначальный план наступления, внося в него серьезные поправки.

Атакующие действия предполагалось начать ранним утром 21 февраля 1943 г., но ввиду слабой маскировки части дивизии подверглись прицельной бомбардировке немецкой авиации. В итоге 16-я литовская стрелковая дивизия потеряла около полутора тысяч человек еще до вступления в бой. Во-

² Барташунас И.М. (1895–1972) – литовец; участник Первой мировой и гражданской войн; в органах госбезопасности – с 1922 г.; с сентября 1940 г. – начальник Особого отдела 29-го литовского стрелкового корпуса, в Великую Отечественную войну – начальник ОО НКВД 16-й литовской дивизии, нарком госбезопасности Литовской ССР.

³ Сметона А.В. – в 1919–1920 гг. президент Литовской буржуазной республики; один из организаторов и председатель националистической партии таутининков; в 1926 г. совершил военный государственный переворот в Литве и установил в стране авторитарный режим.

многим поэтому приказ командования 48-й армии о взятии н.п. Нагорный, Хорошевский и Никитовка соединение не выполнило. Мало того, начальнику штаба дивизии полковник В.П. Киршина дезориентировал вышестоящий штаб, доложив, что н.п. Нагорный взят [3, л. 25]. По данным Особого отдела дивизии, среди личного состава начались разговоры о возможных намеренных действиях командования как армии, так и дивизии по «сокращению» количества бойцов – литовцев по национальности. Об этом был поставлен в известность генерал-майор Жемайтис и начальник политического отдела бригадной комиссар Мациевскас.

В первую неделю марта дивизии были поручены еще три боевые задачи, но и их выполнить не удалось. По данным на 8 марта, соединение потеряло до половины личного состава, на поле боя было оставлено 1577 винтовок, 225 автоматов ППП, 34 станковых пулемета и 104 ручных, а также 43 миномета и 65 противотанковых ружей [4, л. 30 об.]. Военный Совет 48-й армии издал специальное постановление по поводу сложившейся в дивизии ситуации. Прокурору армии и начальнику Особого отдела было предложено выехать в штаб дивизии для расследования обстоятельств невыполнения боевых задач и последующего привлечения виновных к суду военного трибунала [4, л. 31]. В соединении неоднократно выезжали командующий армией генерал-лейтенант П.Л. Романенко и член Военного Совета генерал-майор Н.А. Истомина. Военный Совет 48-й армии дал указание начальнику штаба направить в полосу сосредоточения дивизии заградительный отряд для задержания бегущих [5, л. 18]. Справедливости ради стоит отметить, что военные контрразведчики не подтвердили бегство подразделений соединения с поля боя. Их поддержал и офицер Генерального штаба при 48-й армии майор Орлов. «...Я вполне разделяю, – писал он в очередном отчете, – глубокую обиду, пережитую командным и рядовым составом в связи с прибытием в дивизию заградительного отряда. Этим решением нанесено дивизии незаслуженное оскорбление, как воинской части» [3, л. 8].

Отбиваясь от необоснованных (по мнению руководства дивизии) нападков, Жемайтис и Мациевскас связались по телефону ВЧ связи с первым секретарем ЦК КП(б) Литвы А.Ю. Снечкусом и одновременно направили ему письмо с претензиями в адрес генералов Романенко и Истомина. Реакция из Москвы была практически мгновенной, поскольку обозначилась негативная политическая ситуация вокруг одного из национальных соединений Красной армии – 16-й литовской стрелковой дивизии. В плане морально-политического состояния личного состава обстановка осложнялась еще и тем, что имели место многочисленные резкие антисемитские высказывания со стороны многих офицеров и солдат – литовцев по национальности.

Еще до прибытия литовского руководства в 48-ю армию, туда, по указанию секретаря ЦК ВКП(б), начальника Главного политического управления РККА генерал-полковника А.С. Щербакова, 15 марта 1943 г. прибыл начальник отдела агитации и пропаганды Главпура полковник Рубинштейн. Он подтвердил наличие проблем в дивизии, подчеркнув при этом в своем докладе в Главгур, явную болезненную реакцию комдива и его ближайших помощников на любую критику в их адрес [6, л. 182]. Проверяющий не преминул указать, что командование 48-й армии ошиблось, введя в бой

дивизию, недооценив политическое значение этого соединения.

Уже 16 марта на пункт управления Центрального фронта прилетели Снечкус, председатель республиканского совнаркома Гедвилас, наркомы просвещения и внутренних дел Ванцлавас и Гузьявичус. Они встретились с командующим генералом армии К.К. Рокоссовским, а также с заместителем начальника Особого отдела фронта полковником госбезопасности В.М. Казакевичем и получили их разъяснения, которые не во всем совпадали с докладами из 48-й армии [3, л. 35-36]. Это касалось, в основном, якобы бегства с поля боя некоторых частей соединения. Но они полностью согласились с несколькими пунктами армейских сообщений. Во-первых, никто и никогда не ставил цель ослабить литовскую дивизию, а тем более погубить в боях бойцов литовской национальности. В совокупности среди погибших в боях военнослужащих дивизии большинство составляли русские и евреи. Во-вторых, реально имел место ряд серьезных ошибок в действиях командования дивизии в планировании и проведении наступательных действий. Снечкус в свою очередь пытался доказать якобы имеющую место со стороны командарма (и это, как минимум) сознательную компрометацию всей дивизии именно из-за того, что она литовская. Рокоссовский и Казакевич отнесли это на счет эмоциональной реакции на телефонный разговор с командиром и начальником политотдела 16-й литовской дивизии и содержание их письма.

К операции 17 марта соединение было подготовлено значительно лучше с помощью офицеров штаба армии. Однако прекратить негативные оценки армейского руководства не удалось. Раздавались требования выведения дивизии во второй эшелон.

В такой обстановке засомневался в возможности выполнить боевые задачи и начальник Особого отдела. Он доложил руководству, что за предыдущий период боевых действий было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 20 военнослужащих, из которых 5 – за намерение измены Родине в форме перехода на сторону врага, 5 дезертиров, столько же членовредителей и трусов, бежавших с поля боя. Буквально накануне нового наступления, 14 марта, была вскрыта группа сержантов и рядовых бойцов – литовцев по национальности, готовивших уход к немцам с оружием. Они были перехвачены уже при подходе к передовой линии обороны. У главаря группы была обнаружена листовка, которую гитлеровские пропагандисты изготовили 13 марта. Она была написана от руки на литовском языке и размножена типографским способом. Ее написал ранее сдавшийся в плен бывший рядовой саперного батальона литовской дивизии Мартинкус. При расследовании оказалось, что он в группе бойцов был послан для проведения минирования в ближайшем вражеском тылу. В боестолкновении почти вся группа погибла, а Мартинкус, оказавшись в штабе немецкой воинской части, выдал известные ему данные о подготовке наступления дивизии. Расследованием данных фактов руководил начальник Особого отдела 48-й армии полковник К.Т. Пименов.

По всем вышеуказанным фактам чекисты проинформировали секретаря ЦК КП(б) Литвы Снечкуса и сопровождавших его лиц. 20 марта 1943 г. Снечкус созвал партийный актив в дивизии. В ходе своего выступления он просил провести работу с личным составом с целью устранения упаднических

настроений в связи с имевшими место потерями и недопущения националистических заявлений, в том числе и антисемитских [3, л. 90]. Следует отметить, что прекратить резкие антисемитские высказывания тогда не удалось. Кроме того, в политдонесении из 48-й армии сообщалось еще об одном прискорбном явлении: на 10 марта в дивизии имелось 2745 раненых, а из них почти половина с ранениями кистей рук – явный признак сознательного членовредительства для уклонения от участия в боях [3, л. 19]. Такие лица арестовывались и после проведения следствия их дела передавались на рассмотрение в военный трибунал. Было отчислено из дивизии и направлено для работы на шахтах в тылу 188 человек, допускаявших резкие националистические высказывания [3, л. 24].

За все, что произошло с дивизией и в ней, решением Военного Совета 48-й армии генерал-майору Жемайтису было объявлено о неполном служебном соответствии, начальнику политотдела бригадному комиссару Мациевскому вынесен строгий выговор. Одновременно было направлено предложение Военному Совету Центрального фронта о снятии их, а также заместителя комдива по тылу полковника Гудялиса с занимаемых постов [6, л. 180]. Вскоре К.К. Рокоссовский подписал соответствующий приказ. Несмотря на то, что были заменены и командир дивизии, и его заместитель по тылу, а также начальник штаба, 22 марта 1943 г. 16-я литовская стрелковая дивизия была отведена во второй эшелон и оставалась там до начала подготовки к Курской битве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный Комитет Обороны. Постановления и деятельность 1941-1945 гг. Аннотированный каталог в двух томах [Текст]. – М. : РОССПЭН, 2015. – Т. 1.
2. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов : в 6 т. [Текст]. – М., 1995. – Т. 1. – Кн. 2
3. Архив УФСБ России по Омской области (АУФСБОО). Ф. 78. Оп. 1. Д. 64.
4. Центральный архив Министерства обороны России (далее – ЦАМО). Ф. 62. Оп. 335. Д. 23.
5. ЦАМО. Ф. 403. Оп. 9655. Д. 3.
6. ЦАМО. Ф. 62. Оп. 319. Д. 2.